

Глава 1

— Миеллансишхтимирекатейна? Ардулаемири-них?

Я села, несмотря на ломоту во всем теле, но не отводила взгляда от широкого, какого-то слишком круглого лица. У мужчины глаза невероятного цвета — светло-голубого, но настолько ярких радужек не бывает. Линзы? Простонала от боли, лежать все-таки было не так трудно. Но попыталась взять себя в руки и разобрать, что толстяк бормочет.

Он, видя полную растерянность на моем лице, повторил с паузами:

— Миелланси шхти мир екайтена?

Толстяк одет в карикатурную белую рясу, а я нахожусь в каком-то странном помещении — до рези в глазах светлом, заставленном такими же светлыми шкафами. Попыталась приглядеться, но так и не смогла понять, чем же забиты все полки. Медленно перевела взгляд вниз — на свою голую грудь, на руку, из вены которой до сих пор торчала полупрозрачная игла, осмотрела ноги. Я сижу на кровати? Нет... По мере осознания я покрывалась холодным потом. Эта штукавина с сейчас отодвинутой стеклянной крышкой — не кровать... Черт, как же она называется? Слово «капсула» отдалось в голове очередными резами. Но я не смогла даже руки к вискам прижать, не то что прикрыться.

Этого не может быть. Сколько прошло времени? Уж точно не полчаса.

Толстяк вдруг подался ко мне и прижал два сложенных пальца к моему лбу. Я бы отшатнулась, если бы нашла для этого силы. Он закрыл глаза и зашептал уже себе под нос, совсем неразборчиво. Действо заняло несколько минут, а я в это время тоже прикрыла глаза, чтобы быстрее прийти в себя.

И, наконец, он заговорил совсем иначе:

— Тебя зовут Екатейна? — вот так, с ударением на «ей».

— Екатерина. Катя, — поправила я скрипучим хрипом. Язык во рту ощущался распухшим, огромным, а в горле сразу запершило. Я сглотнула, ощутив в слюне кровь.

— Понятно, — он широко улыбнулся. — Я могу подстроить разум под любой язык, как сделал только что с тобой, но письменные сообщения без образцов разобрать не всегда получается.

Образцов... Я уже смогла повернуть голову и сильно вздрогнула, вспоминая, как мне в ноги напоследок, перед тем как закупорить в этой стеклянной гробнице, бросили досье — с именем, фамилией, основными медицинскими характеристиками. Интересно зачем, если меня отправляли всего лишь на полчаса в будущее? Сам этот факт подтверждал, что предполагались разные результаты — в том числе если я очнусь в этой капсуле через миллион лет. Хотя вряд ли кто-то всерьез ставил на то, что вообще очнусь.

В горле першило все сильнее, на глаза наворачивались истерические слезы. Но мужчина в белом спросил снова:

— Как ты себя чувствуешь, Катя?

— Плохо, — призналась честно и все-таки раскашлялась.

— Тогда ложись, ложись, — он мягко надавил на плечо. — Зелья-то у меня есть, но тут надо подумать — твоя физиология может отличаться от нашей. Не убить бы ненароком, раз выжила. Я не убийца.

Последнее заявление обнадеживало — единственное вообще из всей истории. Потолок оказался тоже белым, но еще и сверкающим. Я просто закрыла глаза, чтобы больше не получать сигналов в мозг. Но толстяк не замолкал:

— Меня зовут Ноттен, я белый айх Ир-Раттоки и практически единственный специалист по подаркам из внешних миров. Этот гроб мне приволокли два дня назад, он снова появился в главном зале библиотеки. Как будто я один способен понять, что это означает. Признаюсь честно — после того, как я испытал на нем все открывающие заклинания, просто нажал на большую кнопку. Я чувствовал, что ты жива, потому боялся нарушить целостность упаковки обычными методами — расколоть и заглянуть. И ведь сработало, после этого крышка отъехала, а ты начала приходить в себя.

Я уловила только одно слово — самое важное:

— Снова? Были и до меня?

— Были очень похожие. Раев восемь назад первый, но внутри оказались только бумаги и предметы непонятного назначения. Я мало что понял из тех записей. А вот примерно два дня назад такой же стеклянный гроб появился уже с остатками человеческого тела — его просто разметало ровным слоем по внутренней поверхности. Затем еще один. Я смог с определенной долей вероятности установить только пол жертв: первым был мужчина, а вторая — определенно женщина, причем давшая минимум две жизни.

Я с силой зажмурилась. Плакать не хотелось, хотя паника накатывала все отчетливее. Полтора месяца назад увели Тamarку. И теперь я все же узнала о ее судьбе. Тamarка — с тихим-тихим голосом. Которая вообще никогда не нарывалась, потому что дома ее ждали двое детей.

— Катя, — он снова отвлек меня от мыслей. — Будь со мной откровенна. В вашем мире таким образом казнят преступников?

Этот пронизательный человек угадал на сто процентов. Казнят. И именно преступников. По сравнению с этим способом казнь на электрическом стуле кажется очень гуманной. Но я не ответила на вопрос, а уточнила:

— В моем мире? Вы хотите сказать, что это какой-то другой мир?

— Разве не очевидно? В нашем таких технологий, которые вообще не поддаются магическому воздействию, нет.

— То есть это не Земля?

— В каком смысле — земля? Здание, конечно, находится на земле. В небо могут подниматься только крылатые элохи. Мои предшественники давно открыли существование других миров. Допускаю, что они находятся прямо здесь, в этом же пространстве, просто сдвинуты на толщину волоска друг от друга. В общем... давай сначала тобой займемся.

Я сжалась оттого, что мужчина положил руки мне на талию и крепко сжал. А потом одну переместил на грудь и повел по всему корпусу, зачем-то произнося вслух очевидное:

— Две почки. Сердце смещено немного влево. Это... печень? У тебя есть и печень, Катя! — он будто поздравил. — Похоже, твоя физиология полностью соответствует нашей, что радует. Селезенка как будто немного смещена, но это может быть результатом общей травмы. Внутренние гематомы. Но в целом все поправимо.

Я подумала над его непонятным облегчением. Вероятно, он тут что-то наподобие доктора, и добавила к озвученным выводам, чтобы хоть чем-то помочь:

— У меня четвертая группа крови, айх...

— Ноттен, — подсказал он. — Четвертая группа — как это? — он схватил меня за запястье, прижался широким носом и с шумом втянул воздух. — А-а, понял. Твои предки вступали в смешанные браки с представителями разных магических истоков?

— Вряд ли, — ответила я и почувствовала, как на апатию накатывает истерический хохот. — Хотя откуда мне знать? Я детдомовка и воровка, в данный момент мотающая срок за... да много за что. Может, мой прадедусшка был благородным вампиром Эдвардом Калленом, а дядюшка — чернокнижником? Просто мне забыли сообщить.

Толстяк вдруг резко наклонился к моему уху и прошипел:

— Тихо! Тс-с, дуреха! Не зови его, он может почуять упоминание! Не хочешь видеть зла — не кричи его имя.

Я уставилась в небесно-голубые очи и промолчала. Даже не осмелилась уточнить, кого именно я зову: прадедусшку или вампира. Но смеяться вмиг расхотелось — кажется, толстяк говорил серьезно. Он подхватил меня за затылок, помог вновь сесть и влил в рот густую жидкость. Я даже вкуса не поняла, но после первого глотка почувствовала облегчение.

— Снадобье не должно повредить, раз твоя пищеварительная система работает по тому же принципу. Через цин попробуем более сильное средство, если с этим не возникнет проблем. А пока спи. Спи, Катя.

Толстяк вышел из помещения, хлопнув дверью. Спать я не хотела, особенно на фоне отступающей боли. Откат был настолько ошеломляющим, будто из каждой клетки вытаскивают микроиглу. Я просто стонала от удовольствия отступающего мучения. Но, освобожденная от боли, голова заполнялась мыслями. И радоваться было нечему. Хотя, может, все теперь, наоборот, наладится? Какой-то совершенно другой мир, абсолютно чистый лист биографии, а Ноттен производит наилучшее впечатление.

Когда-то я думала, что самый страшный день в моей жизни случился, когда нас взяли на вооруженном ограблении. Я всего лишь стояла на стрёме возле магазинчика, но за мной уже значился условный за воровство, потому судья была неумолима. Мне

дали меньше, чем остальным, всего полтора года. И я даже успокаивала себя тем, что из нашей компании мало кто пока обошелся без срока. Тюрьмы я тем не менее боялась. Но все оказалось не так страшно, как я читала в дешевых детективчиках. У многих женщин за стенкой оставались семьи, к которым они хотели вернуться, потому и вели себя спокойно, никаких серьезных разборок за два месяца отбытки я так и не увидела. Мне повезло — в общей камере с нами была Тамарка, по-бытовому мудрая и бесконечно спокойная женщина. Она и мне сумела объяснить, как себя вести, и мелкие конфликты на корню улаживала. А по вечерам в темноте нам рассказывала сказки — смешно, конечно: лежат себе уголовницы и слушают детскую чушь, но никто не перебивает, каждое слово ловят. Сказок Тамарка знала много — у нее двое детей, которые остались на попечении сестры. С каким-то поразительным простодушием и без спроса она переносила на нас заботу, а мы — и не только те, кто о матерях лишь в книгах читал, — вкушали ее сказки и боялись дышать, чтобы настроение не сбить.

Когда мне предложили сделку, подумала, что причиной выбора стало мое сиротство, никто меня на воле не ждет. Увели в кабинет, майор вышел и оставил меня с тремя мужиками в медицинских халатах. Они очень долго расписывали мне мою же загубленную судьбу, и что в девятнадцать лет я еще могла бы начать жить иначе — и для этого мне желательно оказаться на свободе. Суть сделки заключалась в добровольном участии в каком-то научном эксперименте, который они претенциозно называли «временным перемещением», а взамен обещали включить меня в программу амнистии. Не могу сказать точно, почему тогда отказалась. То ли их скользкие взгляды не вызывали доверия, то ли Тамаркины сказки делали мое существование в камере не таким ужасным. А пропаду в этих их экспериментах, никто и не заметит.

Оказалось, что Тамарке сделали такое же предложение — и это меня удивило. Сидела она за убийство сожителя, считала дни до освобождения и жила только моментом, когда сможет вернуться к сестре и детям. Может, я зря поддалась интуиции? Не собираются ученые никого убивать, раз и человеку с семьей предложили. А может, и не зря... поскольку Тамарка тоже отказалась, пробурчав короткое объяснение: «Что-то нечисто у них. Я лучше свое время спокойно выжду».

Через пару недель нас с ней снова по очереди таскали в кабинет. И уже чуть подробнее описали суть опыта, хотя на самом деле закидали непонятными терминами. Лично я вообще ничего не понимала ни в Эйнштейне, ни в каких-то порядках времени и пространства. Пытались они и воззвать к любопытству — неужели самой не интересно, получится ли совершить прорыв? Мне было не интересно.

А потом Тамарка не вернулась. Согласилась поучаствовать и ее сразу отпустили? Но нет, эта мысль не выглядела правдоподобной — у Тамарки под подушкой затрепанная фотография родни осталась. Я бы руку дала на отсечение, что сокамерница могла бросить все на свете, но за этим снимком вернулась бы. Ее вещи через несколько дней молча собрала надзирательница и, ничего не объясняя, унесла. После этого я уже относилась к предложению ученых с настоящим страхом.

А меня спрашивали снова. Теперь мое «нет» звучало куда тверже. Почему именно я и Тамарка? В тюрьме огромное количество женщин, но их интересовали только мы. И куда она пропала? Покажите мне Тамарку — живую и здоровую, тогда подумаю. На эти вопросы мне не отвечали, зато начали пресовать: выводили ночами во двор и били. Не ученые, конечно, какие-то парни-солдаты. В живот, по груди, но не по лицу. А когда падала и получала пинки, то их останавливали — мол, нельзя повредить внутренние

органы. И снова задавали тот же вопрос. Но теперь я была в решении уверена — лучше пусть бьют, выживу. Тем более когда все-таки опасаются причинить серьезный вред. Но после согласия — уже вряд ли.

И в один из дней мне просто надели мешок на голову, увели по гулким коридорам, усадили в машину. А какой-то нелюдь сел рядом и утешающе похлопал по наручникам.

— Не переживайте так, Екатерина Сергеевна, все будет хорошо. Хотя лучше бы добровольно. К сожалению, Тамара Петровна тоже сопротивлялась — и это отрицательно сказалось на ходе эксперимента. В общем, не переживайте, однако ради самой же себя настройтесь и смиритесь.

Я все еще пыталась вырваться, когда бугаи меня тащили куда-то и всовывали в капсулу. До последнего не хотелось умирать — да, воровка, да, ничего хорошего не сделала ни себе, ни людям, но смерти не заслужила. Меня привязали ремнями, всадили седатив. Однако я не спала и все слышала:

— Это будет прорыв, Екатерина Сергеевна. Время и пространство нелинейны — в каждой точке есть тысячи их сочетаний. Вам нужно немного потерпеть, а мы постараемся перевести вас на другую временную линию. И тогда вы просто переместитесь на полчаса вперед, ничего страшного! Зато все человечество будет перед вами в долгу! Смотрели фантастические фильмы, Екатерина Сергеевна? Представьте, что вы в главной роли одного из них — путешественница в будущее. Неужели самой не занятно?

Если бы мне не вставили в зубы резиновую капу — вероятно, чтобы я во время этой «нестрашной» процедуры не откусила себе язык, — то я бы вежливо поинтересовалась, появилась ли Тамарка через полчаса, и добавила бы, в какой жопе я видела их прорывы и все человечество.

— Потерпите, потерпите немного, Екатерина Сергеевна...

Я не терпела — последующее терпеть было невозможно. Но повезло, что сознание все-таки от боли отключилось.

И вот я здесь — живая и почти невредимая. Пора признать, что те гады не ошиблись хоть в чем-то: пространство тоже нелинейно. И эти ублюдки с потрясающей периодичностью просто закидывают в другой мир свои «гробы», которые айх Ноттен вынужден распечатывать и гадать об их происхождении.

Стоило так цепляться за жизнь, чтобы оказаться посреди этого абсурда — зелий, магии какой-то, летающей нечисти и черт знает кого еще. Моя предыдущая судьба явно не удалась, но вдруг этот поворот и есть начало нового пути? Вдруг все здесь добры, как пухлый айх? Немного прошло времени до понимания, как же я ошиблась. Те ученые — далеко не самые жестокие звери во всех пространственных и временных перекрестьях.

Глава 2

С каждой минутой мне становилось лучше. И дело оказалось не только в чудодейственных препаратах, которые влил в меня айх после возвращения. Он же мне выдал собственную рубашу — не по размеру огромную и длинную, но самого толстяка мои голые худые ноги, торчавшие из гигантской мешковины, не смущали. Не смущалась и я. По непонятной причине хотелось танцевать, а уж усидеть на месте я совсем не могла: летала от кровати к окну, выглядывала наружу — комната, в которой я проснулась, находилась примерно в центре высокой башни, а внизу распростерся город. Я бы назвала его средневековым, если бы не размеры: невысокие здания и узкие улицы тянулись до самого горизонта. Но видно было плохо, потому я просто продолжала свой полет — от окна к полкам с разноцветными колбами и свитками, от полок к зеркалу, которое не сразу заметила. Перед ним

замерла на несколько минут, не в силах сообразить, что меня смущает в отражении.

Понятное дело, на мне никакого макияжа, однако извечная чернота из-под глаз пропала, светлые волосы грязные, а резинка, их стягивающая, осталась в моем мире вместе с робой и бельем. Я прищурилась и подалась еще ближе, чтобы уловить ускользающие отличия. Волосы явно нуждаются в мытье, но будто иначе блестят. Шрам над правой бровью исчез, я даже пальцами несколько раз провела, чтобы удостовериться. Надо же, лет десять он был со мной, а теперь куда-то пропал. И последнее, что окончательно меня добило, — в моих ушах не было проколов. Не то чтобы я была большой любительницей носить сережки, но на мочках не было даже намека на то самое событие шестилетней давности, когда Валька дырявила всем желающим уши нагретой спицей, а на следующий день всем нам, «смелым красавицам», досталось по подзатыльнику от заведующей, а Вальке целых три.

И именно этот факт помог осознать все остальное: лекарства вылечили не только старые ранки, самые главные отличия были внутри — я не способна их описать, просто не могла вспомнить настолько хорошего самочувствия. Никогда я себя больной и не ощущала, но теперь стала понятна разница. Я поймала взгляд айха через зеркало и просто улыбнулась. Странно за такое благодарить. Слов не хватает, чтобы благодарить.

Только через несколько часов до меня дошло, что обновленный организм не идет ни в какое сравнение с другими процессами. Ноттена нельзя назвать красивым, он просто очень приятный на вид, но уже скоро я смотрела на него влюбленными глазами. Нет, это чувство не содержало ни капли похоти или вожделения, оно даже не было связано с благодарностью, только самая чистая, почти кристальная любовь — у меня словно душа к нему навстречу разворачивалась, открывалась, иногда с болезненно лопающимися

старыми швами, которые тут же зарастали. Не потому ли я запросто отвечала на его вопросы — рассказывала не только о своем мире, но и о себе самой? Без фальши, не рисуясь, не скрывая никакой грязи, я выдала ему всю биографию. Это я-то, давно приученная, что лишнюю информацию никогда нельзя оглашать посторонним? А для меня все были посторонними — похоже, за исключением айха. Я как на исповеди обновлялась, искренне сожалела об ошибках и вдруг явственно осознавала, что действительно часто могла поступить иначе, и что вся моя улетевшая в задницу жизнь могла сложиться по-другому. И она обязательно бы сложилась, даже с этим багажом, вот с любой ее точки я могла повернуть на сто восемьдесят градусов — и, исповедуясь этому чудесному человеку, я действительно в это верила! Я просто пела о том, с каким цинизмом подрезала сумки в троллейбусах у старух, думая только о себе, и что только сейчас дошло сожаление. Осеклась посередине фразы и смутилась своей откровенности, но айх сам опередил назревший вопрос:

— Не смущайся, Катя. Это свойство моей магии — любой человек, попадающий под белую ауру, становится лучше. Показалось, что ты уже знакома с этим чувством — когда рассказывала о сказках своей Тарки. Вероятно, магия в твоём мире не так сильна, но капля белого света в твоей сказочнице определенно была, она тебя и лечила, именно она помогала сопротивляться плохому развитию событий. Не обижайся на эту магию, она существует сама по себе. Но и не бойся последствий своего рассказа, никто от меня не узнает о темных пятнах в твоём прошлом, я не способен совершать злые поступки — это обратная сторона моей силы.

Об обиде и страхе речи не шло. Зато я поняла, что могу быть совсем другой — не такой, какой всегда была. Пусть даже и ощущаю себя не самой собой, подмененной на улучшенную версию, но так мне